

Венчание на царство. Женитьба. Первые испытания

В конце 1546 г. Иван созвал бояр и объявил им о своем намерении венчаться на царство. Долгие годы самообразования и контактов с учеными и мыслителями из кружка митрополита Макария не прошли даром, полученные знания и сформировавшиеся идеалы требовали реализации.

Ивану требовалось продемонстрировать значимость и величину своей власти, обосновать разрыв с традициями предков и самоуправство в отношениях с боярами. Идеологическая подготовка к этому шла уже давно, «государем всея Руси» именовал себя еще дед Грозного Иван III, шапкой Мономаха венчался его несостоявшийся преемник Дмитрий, однако только 16-летний Иван направил затянувшийся процесс в практическое русло. Хитрый и опытный митрополит Макарий поддерживал намерение Ивана, он сам несколько лет подводил государя к принятию такого решения. Макарий взялся обеспечить необходимое согласие бояр и народа и провести соответствующую деянию торжественную и величественную церемонию.

Вряд ли митрополит действительно видел в венчании Ивана средство обуздания его темперамента, жестокости и самоволия. Мысли о высоком призвании монарха и его обязанностях перед чернью привить Ивану было сложно. Макарий желал коронования по другим причинам: он жаждал политической стабильности.

После победы иосифлян над нестяжателями Русская Православная Церковь стала не только подспорьем центральной власти Московского государства, но и его равноправным и взаимозависимым партнером. Не имея вооруженных сил, она обеспечивала свой авторитет и повиновение бояр с помощью армии и власти вели-

Церковный кубок —
потир (XVI в.)

кого князя. Взамен Церковь брала на себя управление целыми отраслями государственной политики: образованием, призрением и развитием культуры. Она также помогала великому князю советом и деньгами.

Во время боярского правления такого сотрудничества не существовало. Дважды главу Русской Церкви свергали с кафедры, духовенство на местах не смело сопротивляться, ему не хватало необходимого авторитета, четкой иерархии, а также осознания своей силы. Макария привлекала мысль о том, что повышение статуса центральной власти повысит и престиж ее важнейшего партнера — митрополита.

Бояре согласились с нововведениями в надежде, что тщеславие Ивана удовлетворится пышным титулом, который он пока еще не заслужил ни своими военными, ни управленческими успехами. К тому же возросший авторитет московского властелина давал боярам простор для более жестокого угнетения населения, так как теперь они выступали в качестве полномочных представителей не князя, но царя.

Под властью правителя с новым титулом Московия явно предъявляла претензии на все наследие великой Золотой Орды, как дипломатическое, так и территориальное.

*Венчание Ивана Васильевича
на царство (с миниатюры XVI в.)*

Новая Русь более не искала поводов и обоснований для завоевательных войн. Иван по материнской линии являлся прямым потомком Мамая. Он и его родственники всегда помнили этот факт и гордились им. Кроме того, он владел татарским языком, что часто демонстрировал на приемах. Его мать выкупала русских пленников из крымского и татарского плена, но новый царь решил навсегда отменить эту статью государственных расходов.

Народ встретил весть о воцарении Ивана с ликованием. 16 января 1547 г. в Успенском соборе Кремля и вокруг него собралось огромное количество людей. Иван торжественно прошествовал мимо своих подданных в собор в окружении виднейших сановников государства. Митрополит Макарий венчал его на царство, благословив и призвав беречь народ. Люди окружили выходящего из церкви Ивана и, стремясь оставить себе что-нибудь в память об этом историческом событии, оборвали с царя драгоценное одеяние. Страха и уважения к правителю у толпы пока еще не было.

Иван озаботился и вопросами женитьбы. Он уже созрел физически и стремился как можно скорее опробовать себя в роли главы семьи и повелителя жены. В конце 1546 г. во все концы Московии гонцы разнесли весть о том, что великий князь ищет себе жену. В столицу потянулись бесконечные потоки более или менее знатных бояр и дворян с дочерьми. Сразу после коронования Иван приступил к смотринам.

Невесту Иван выбрал быстро. Ей оказалась Анастасия Романовна Захарьина-Юрьева. Свадьба состоялась уже 2 февраля 1547 г. и сопровождалась широкими гуляньями за счет казны и раздачей многочисленных подарков и милостыни.

О мотивах, побудивших Ивана искать жену не за границей, а именно среди своих подданных, можно строить лишь предположения. Возможно, он хотел исключить для своих детей в случае сиротства перспективу борьбы с боярами, когда мать их будет бессильной иностранкой. Вероятно, им также завладело желание обеспечить своим потомкам поддержку со стороны братьев и дядьев матери наследника. Женитьба на русской, кроме того, символизировала единство царя с его народом. Для укрепления престижа уже не требовались род-

ство с императорами павшей Византии или браки с отпрысками европейских знатных родов. Русский царь и его жена воспринимались самодостаточно в плане величия и международного веса.

Новая царица, по единодушному мнению летописцев, составила идеальную пару буйному нравом Ивану, она была хороша собой, но скромна, что, по обыкновению, считалось главной добродетелью девицы. Анастасия Романовна Захарьина-Юрьева происходила из не очень знатного по московским понятиям рода. Родословную свою Захарьины вели от некоего уроженца Пруссии, выехавшего на Русь в конце XIII в. и здесь крестившегося в православие. Постепенно представители этого рода добились достаточно высоких постов: дед получил боярство при Иване III, отец невесты, ко времени свадьбы уже покойный, занимал в свое время должность окольничего. По знатности и влиянию Захарьины-Юрьевы, конечно, не шли ни в какое сравнение ни с Шуйскими, ни с Глинскими, ни с Воротынскими.

Влияние Анастасии на Ивана со временем возрастало и стало в итоге весьма значительным. Иван смягчился, найдя любящее сердце, которое до некоторой степени заменило рано потерянную любовь матери. Вероятно, именно это и застави-

ло его на некоторое время отвлечься от жестокого укрепления собственной власти и личного достоинства. Первые месяцы супружества Иван много времени проводил с женой, предоставив Глинским заниматься государственными делами по их усмотрению. Казалось, что боярские надежды на то, что коронование и женитьба удовлетворят претензии царя и его порывы к деятельности, оправдались. Глинские чувствовали себя в полной безопасности и даже спокойнее, чем когда-либо.

Князья Глинские, и в их числе бабка царя Анна, поддерживали затею Ивана с коронацией. Они предпо-

Трон Ивана Грозного
(«Мономахов трон»)

лагали возвыситься вместе с царем. За поддержку Иван наградил их новыми чинами. Глинские к 1547 г. расправились с боярином Челядниным, чтобы получить высокий чин конюшего и занять освободившиеся боярские места в Думе. С подрастающим поколением оппозиционных боярских родов обошлись очень жестоко. На кол посадили юного князя Дорогобужского, Федору Овчинину отрубили голову. Господство Глинских стало абсолютным. Их наместники совершенно не боялись ни гнева царя, ни возмущения народа. Любые жалобы, вне зависимости от их обоснованности, Иван считал покушением на свою власть.

В апреле и июне 1547 г. в Москве полыхали страшные пожары, ставшие причиной огромного количества жертв и разрушений. Город выгорел практически дотла. Многие высшие лица государства успели бежать, даже митрополит спасся чудом из уже окруженного огнем храма. Старец спустился по веревке, но упал и сильно ушибся, отчего долго болел. Иван и его приближенные находились в подмосковном селе Воробьево и, казалось, совершенно не обращали внимания на бедствия жителей столицы. Огромный город со 100-тысячным населением погибал квартал за кварталом, а недавно благословляемый царь и благодетель не делал ничего для его спасения.

В середине июня 1547 г. народное недовольство и отчаяние достигло высшей степени. Опасная мощь толпы представляла собой отличный инструмент для сведения счетов с Глинскими. Подстрекаемые некоторыми боярами москвичи к концу столичных пожаров решили, что во всех бедах виноваты Михаил и Юрий Глинские, а также бабка царя Анна.

По городу ходили нелепые слухи, население верило в то, что причиной напасти является злая ворожба Анны Глинской. Этот род давно подозревали в занятиях колдовством, немало опасных обвинений в свое время высказывались еще в адрес Елены Глинской. Анну обвиняли в том, что она вынимала сердца из тел умерших, обмывала их водой, которой затем кропила город.

Глинских упрекали в мздоимстве, грабежах и преступном бездействии. Брожение в столице усиливалось, царь молчал, бояре выжидали. В конце июня 1547 г. бунтовщики потребо-

вали от бояр немедленной выдачи всех Глинских. Не дожидаясь от них ответа, они схватили дядю Ивана, боярина Юрия Глинского, укрывшегося в церкви Успения, и, не опасаясь святотатства, убили его на месте. После этого мятежники стали убивать и грабить всех неугодных и заподозренных в симпатиях к бывшим временщикам.

Иван, по общепринятой версии, сильно испугался и не знал, что делать. Воспользовавшись этим, на него пытались оказать влияние иерей Сильвестр, обвинявший в произошедшей «каре Божией» самого царя, его бездействие и попустительство, и молодой дворянин Алексей Адашев. Представляется более вероятным, что Иван, хотя и взволнованный московским восстанием, в панику все же не впадал. Он долго со стороны наблюдал за развитием событий, имел возможность оценить ситуацию, понять, что его личной власти мятеж не угрожает (ни один источник не говорит об антимонархическом характере бунта). Он нашел новых союзников, трезво разобрался в действительных прегрешениях Глинских. Колебания и волнения в такой ситуации неизбежны, так как эти события стали для Ивана первым серьезным испытанием.

Пограбив Москву, толпы мятежников двинулись к царю, в Воробьево. К тому времени очень многие участники кровавых расправ пришли в себя и прекратили бесчинствовать, а их покровители из высших кругов уже не были заинтересованы в продолжении бунта: все, на что они рассчитывали, уже произошло. У резиденции царя бунтовщики потребовали немедленной выдачи Анны Глинской и конюшего Михаила. Иван приказал стрелять в бунтовщиков, толпа тотчас рассея-

лась, многие пали на колени и начали каяться.

Иван приступил к ответным действиям. Многих участников бунта простил, раздал хлеб нищим и распорядился дать бездомным приют. Михаила Глинского лишил чина конюшего, а за попытку бежать в Литву едва не посадил в темницу, однако ограничился тем, что от-

Хлебница (XVI в.)

странил его от всех должностей. Из Боярской думы были удалены все представители клана Глинских и их союзники, их места заняли родственники царицы и менее знатные бояре, которые и являлись закулисными руководителями московского бунта. При этом царь не позволил новой боярской клике овладеть положением, очередной волны казней и перераспределения должностей не последовало.

Склонный к театральности Иван последовательно играл роль любимого народом, богобоязненного и прозревшего монарха. Он показательно постился, каялся и молился и, очистившись от груза прошлых грехов, принял причастие, затем приступил к преобразованиям, демонстрируя народу, что его лишения не напрасны. Эпоха временщиков-бояр закончилась.